

Казаков М.А.,

*кандидат философских наук, преподаватель кафедры философии
Национального технического университета Украины
«Киевский политехнический институт имени Игоря Сикорского»*

ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД В СОВРЕМЕННОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ: ПРОЛЕГОМЕНЫ К ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЕ

Аннотация

Статья посвящена экспозиции деятельностного подхода в контексте современных исследований в области эпистемологии. Рассматриваются концептуальные основания для деятельностного подхода; критикуются программы в эпистемологии, неправомерным образом использующие деятельностный подход или интерпретирующие его несоответствующим образом; осмысляются перспективы деятельностного подхода в современной эпистемологии. Для последней задачи автор предлагает «эскиз» исследовательской программы в виде категориально-классификационной модели, которая может служить методологическим, герменевтическим и логико-эпистемологическим основанием для исследований в рамках деятельностного подхода относительно знания, познания и их составляющих. Для этого в статье вычленяются через концептуальный анализ и синтезируются в качестве генетически связанных компонентов биологические и социальные составляющие человеческого знания и познания, которые можно отнести к «деятельностным».

Введение

Практический уровень теории и критерий практики как средство верификации научных теорий в наши дни являются одними из наименее исследованных аспектов знания в теории познания. Во многом причиной этого является доминирующий в современной эпистемологии и философии науки аналитический подход, являющийся в своей сущности а-историчным (а подчас и антиисторичным). С другой стороны, в исторически ориентированных постпозитивистских концепциях в эпистемологии мы чаще всего имеем дело либо с угрозой необоснованного эпистемологического релятивизма (который встречается во множестве направлений – от эпистемологического анархизма П. Фейерабенда до социального конструкционизма Дж. Горгена), либо с претензией на создание «вневременных» критериев демаркации знаний, основанных на рациональной реконструкции истории науки (примером чего является эпистемологическая концепция И. Лакатоса). Впрочем, ряд современных направлений в эпистемологии все же учитывает проблемы практики и представляет перспективы деятельностного подхода к эпистемологии в ряде направлений исследований – от социологии знания и антропологии науки до исследования проблем демаркации и верификации знания. Деятельностный подход имеет богатую традицию: в числе философских течений, обеспечивших его нынешнее существование, можно назвать марксизм, прагматизм, операционализм и синтез этих направлений с некоторыми идеями из области психологии восприятия (экологический подход Дж. Гибсона, психология познания Дж. Брунера) и генетической эпистемологии (Ж. Пиаже). В первую очередь, влияние деятельностного подхода в наши дни можно усматривать в близком к эпистемологии

направлении философских исследований – философии сознания, одна из школ которой, т. н. «аналитическое гегельянство», опирается на идеи Э. Ильенкова и Л. Выготского в интерпретации возникновения и становления человеческого разума. Сам же этот процесс в своих сущностных свойствах опирается на генезис и сущность познавательных актов индивида на пути его становления полноценным субъектом. Иными словами, в аналитическом гегельянстве и современной аналитической теории действия сильны «мотивы» деятельностного подхода. Одновременно с этим, в измерении социальной эпистемологии, при рассмотрении институциональных структур, производящих знание, все более влиятельной становится акторно-сетевая теория Б. Латура, рассматривающая науку как сеть взаимодействующих друг с другом посредников, производящих, переносящих и переводящих действия, создавая науку, научное знание и познание в процессе непосредственной серии действий, деятельностей, обеспечивающих существование науки и как социального института, и как средства получения знаний.

Сказанное, на мой взгляд, позволяет утверждать о широких перспективах и чрезвычайно высоком потенциале применения деятельностного подхода в эпистемологии и философии науки. Однако при построении соответствующих моделей знания, опираясь на данный подход, необходимо избегать крайностей, к которым способна привести абсолютизация действия в структуре научного знания. Последствиями такой абсолютизации могут стать релятивизация знания и элиминация его эпистемической ценности, равно как и иерархии знаний и познавательных ценностей и методов познания, вплоть до эпистемологической легитимации псевдонауки; с другой стороны, подобная абсолютизация может также привести к игнорированию других составляющих в структуре знания и их роли в его производстве. В связи с этим перед тем, как перейти к непосредственной разработке модели эпистемологии с использованием деятельностного подхода в эпистемологии и философии науки, я постараюсь устранить возможные крайности, возникающие из него, отбросив такие радикальные его направления, как эпистемологический конструктивизм, социальный конструкционизм и операционализм в его радикальной интерпретации.

«Крайности» и проблема когнитивного релятивизма

Операционализм, представленный, в первую очередь, идеями П. Бриджмена, рассматривает познание не как репрезентацию, моделирование, гештальтизацию внешнего мира и отражение содержания познаваемых объектов через призму их пропозициональной и остенсивной репрезентации (или практической демонстрации), но как совокупность *операций* субъекта, выразимую конъюнкцией этих операций сообразно определенной последовательности и/или причинной зависимости. Основанием для такой интерпретации сущности познания у Бриджмена является в целом верная мысль, тождественная одной из основных позиций т.н. «неклассической науки»: в процессе познания субъект использует множество *посредников* (специальные приборы, средства измерения, критерии истинности относительно их показаний), которые позволяют получить знание об объекте. Таким образом, полученное знание является результатом ряда операциональных процедур, которые естественным образом искажают «истинное» и «непосредственное» знание об объекте («ноуменальное знание»). Операции, по Бриджмену, предшествуют понятиям и познавательным метафизическим установкам, которыми руководствуется ученый. Однако, следуя этой позиции, можно дойти до абсурдных выводов о природе

научного познания (1). Абсолютизация операций и процедуральных критериев ведет к необходимости отказа от инвариантности понятий. Каждый раз, когда ученому необходимо было бы произвести измерение, он должен был бы для каждой познавательной операции (даже если речь о двух количественно различных, но качественно тождественных операциях) заново изобретать понятия, в которых осмысляются исходные данные и результат. Однако реальная научная практика демонстрирует, что, проводя познавательные акты, субъект познания оперирует понятиями, число которых, несмотря на потенциальную изменчивость, в каждый конкретный момент времени ограничен содержанием теоретического знания дисциплины, в пределах которой имеет место акт познания (2). Одновременно с этим, операциональные определения, вводимые ученым, согласно операционализму, должны были бы фиксировать значение понятий инвариантно, согласно определенным условиям, в которых проводится познавательная операция. Таким образом, в противовес крайней неопределенности понятий науки (как в (1)) мы можем столкнуться с неправомерным притязанием понятий на инвариантность. В. Лекторский верно подмечает: «В реальной практике научного познания ученые предпочитают пользоваться так называемыми открытыми понятиями, т. е. такими понятиями, значение которых относительно экспериментальных ситуаций не определено полностью (поскольку все эти ситуации невозможно заранее полностью исчерпать)» [9, с. 51]. Речь идет о том, что понятия в языке науки, применяемом в научной практике, могут изменять значение определенным образом, однако лишь в случаях, когда это изменение значения, его расширение или сужение должным образом обоснованы (т. е. в случае, если классическое значение не удовлетворяет адекватному выражению положения дел об исследуемом объекте). Таким образом, следует говорить о том, что, будучи *открытыми*, понятия науки не инвариантны и не произвольны. А это означает, что пропозициональное знание не является каузально зависимым от операциональных процедур, но зависит, скорее, от результата, который получен вследствие этих процедур. Сам же характер операций и то, что можно считать значением в результате их проведения, заданы более широкими – семантическими, герменевтическими, верификационными и протокольными – критериями, предъявляемыми к научному познанию и знанию. То, *как* мы истолковываем результаты и *что* мы считаем результатами, непосредственно влияют на то, как мы эти результаты получаем.

Обсуждая проблему операциональной природы базовых предикатов в научном знании, Э. Агацци пишет: «Принятие чего-то как данного зависит от критериев объективности, принятых определенным сообществом исследователей – оно зависит от того, какого рода операции выбираются для «вырезания» объектов данной науки» [1, с. 144]. В свою очередь, это говорит в пользу того, что в основании критерия относительно того, *что* оценивать как *объективное знание*, лежит не операция: критерий объективности предшествует характеру действия относительно объекта. Он определяет, *что* считается *объектом* и *что* является *знанием об* этом объекте. Критерии объективности операциональны по своей природе, но операциональность – лишь одно из конститутивных для этих критериев свойств, а не их онтологический фундамент. «По мере развития науки инструменты усложняются, но это не мешает ученым считать, что они способны давать им данные в нужном смысле. А что еще могут они давать? Запись, сделанная некоторыми инструментами, всегда данное» [1, с. 139–140]. Однако, выбирая, *что конкретно* мы рассматриваем как данное, мы руководствуемся не только и не столько операциями, сколько их содержанием, значение которого «предустановлено»:

предикаты и индексикалы истинности/ложности, равно как и предикат «данные»/«неданные» предшествуют операциональным предикатам (таким, как «должным образом выполненный», «выполняемый через x , но не через y » и так далее). Если же мы не признаем некую запись r инструмента I об объекте O как данные, способные служить основанием для конструирования научного факта, следует говорить, что изменились наши критерии понимания сущности O , и в свете этих изменений любые записи I более невозможно расценивать как данные.

Операциональные критерии являются неотъемлемой составляющей гипотетико-дедуктивных систем, которыми являются теории, однако референциальные критерии в них не менее важны, а они либо взаимозависимы с операциональными, либо детерминируют их. «Референтом конструкта может быть единичный объект или какое-то число объектов; он может быть воспринимаемым или невоспринимаемым, реальным или воображаемым и так далее» [2, с. 79], – пишет о природе референтов М. Бунге. Поиск или создание референта – то, что Агацци называет «вырезанием» объекта из «вещи» для полагания этой вещи в качестве предмета исследования в той или иной науке. «Объективность объекта» для науки, в свою очередь, является (а) *интерсубъективной* (является результатом конвенции единичных субъектов-ученых относительно природы «вырезаемого» референта); (б) *аргументативно обосновываемой* (необходимость «вырезать» объект тем или иным образом должна быть достаточным образом подкреплена теми или иными свидетельствами в пользу соответствующих теоретических и практических действий); и, в случае с рядом наук (в) *экспериментально демонстрируемой*. Последнее легко понять, противопоставив идеализированное предложение « $P(x)=y$ » («Значение P для объекта x равно y ») так называемому «расширенному» прагматическому предложению « $P(x, s, m, o, t)=y$ » («Наблюдатель s , используя совокупность операциональных процедур o , действуя сообразно методологическим и критериальным установкам m , используя совокупность инструментов t , получает значение y для P , выступающего компонентом x »). И лишь интерсубъективная оценка и воспроизведение с использованием (m, o, t) дает возможность сделать заключение о степени объективности значения « $P(x)=y$ ». Операционализм, игнорируя m , неправомерным образом абсолютизирует o и t , которые сами по себе, вне m , нельзя рассматривать как метафизическую установку или онтологическое основание для содержания o и t .

Согласно эпистемологическому конструктивизму, результат познания является продуктом непосредственных действий субъекта, начиная с элементарных биологических процессов (восприятие, гомеостазис и т. д.). Таким образом, содержание познавательного акта всегда «окрашено» характером действия и биологической природой человека. В данном случае, отличием от операционализма, в эпистемологическом конструктивизме (представленном работами Э. фон Глазерсфельда, Г. Рота) налицо эпистемологический дуализм, близкий к дуализму Канта, с разделением мира на «реальность саму по себе» и «реальность для нас» и, соответственно, на «истинное, но недостижимое знание об объектах» и «неистинное и неполное знание об объектах как о вещах для нас». Помимо сказанного об операционализме, абсолютизирующем роль действия в процессе научного познания и его результате, уместно высказать еще несколько соображений, на этот раз – в пользу практики как критерия верификации. Ряд объектов науки является принципиально ненаблюдаемым, однако мы все же обладаем определенным знанием о них, которое полагаем в качестве истинного. Критерием истинности в данном случае, по утверждению Г. Левина [8], является то, как мы *оперируем* с этими объектами.

В данном случае операциональные критерии совпадают с критерием объективности: быть объективными данными о ненаблюдаемом объекте O означает продемонстрировать результат R , достижимый в ходе набора действий A . Иными словами, A демонстрирует истинность. И, наоборот, если субъект познания вводит совокупность действий B , дающую результат R' , необходимо установить, имеет ли отношение B к O или же это – лишь имитация манипуляции O , хотя на самом деле, ничего, кроме совокупности процедур B , не происходит, никоим образом не затрагивая O .

Что же до наблюдаемых объектов и объектов, следы существования которых так или иначе фиксируются наукой помимо манипуляции ими, здесь все сводится к дискуссиям вокруг эпистемологического дуализма для современной теории познания. Безусловно, определенная дуальность в научном знании всегда существует – это дуальность двух субстанций: субстанции, представляющей непосредственные свойства самих вещей и продукт нашего вступления в контакт, взаимодействия с этой вещью, представленные в субстанции нашего знания о ней, т. е. то, что Поппер называет «третьим миром» теоретического знания. Однако онтологическое различие двух субстанций не «безосновно»: субстанция мира выступает первоначальной относительно производной от нее субстанции знания. Отношения же между двумя субстанциями представляют собой однонаправленную каузальную зависимость: тождество бытия и мышления, постулируемое онтологией науки и материалистической теорией сознания, необходимым образом ведет к заключению о том, что мышление, если его целью является познание сущности вещей и корректное отражение этой сущности в пропозициональных установках сообщества, в котором осуществляется акт познания, не является познанием «феномена», несоизмеримого с «непознаваемым» ноуменом, а представляет собой максимально конкретное и корректное отражение положения дел во внешнем мире. В конце концов, следует учитывать, что, независимо от того, что утверждают эпистемологические конструктивисты, все формы жизни, в меру своих биологических и когнитивных партикулярных свойств или акциденций, взаимодействуют с внешним миром точно таким же образом, как и люди, и что их действия соотнесены с ним так же, как действия людей, строящих свое взаимодействие с миром сообразно имеющемуся у них пропозициональному знанию об этом мире. В этом смысле единство знания, сознания и действия делает нерелевантным эпистемологический дуализм конструктивизма. Если любая форма жизни подвержена фундаментальным взаимодействиям, манипулирует внешними объектами тем или иным образом (который доступен и нам), подвергается влиянию химической субстанции так же, как подвергаются те, кто выражают свое знание об этой субстанции, значит, наше знание о внешнем мире является не просто «интерсубъективным», а межвидовым. Специфически же «видовой» компонент, средство выражения этого знания, не является причиной или показателем «ложности» нашего знания о «вещах самих по себе». Единственный пункт, в котором можно согласиться с эпистемологическими конструктивистами, – промежуточный и принципиально неполный характер научного знания вследствие каждой конкретно взятой познавательной процедуры, безотносительно ее меры. Однако этот вывод является тривиальным и имеет место в эпистемологии со времен Канта, Шеллинга и Гегеля. В то же время существуют «закрытые системы знания», в которых никаких изменений произвести уже невозможно, либо эти изменения не зависят от внешнего якобы «непознаваемого» мира. К таким областям можно отнести целые разделы географии, дендрохронологии, метрологии, компьютерных наук, математики и так далее. В любом случае, говорить,

исходя из контекста проблемы, следовало бы не о непознаваемости, а о мере полноты нашего знания об объектах.

Социальный конструкционизм (далее – СК), на первый взгляд, является наследником прагматистской эпистемологии У. Джеймса и Ч. Пирса. С другой стороны, уместно рассматривать его и как метатеоретизацию разнородных направлений критицизма, выработанных в постмодернистской философии. С точки зрения СК, любое интенциональное действие обусловлено социальностью, а любой элемент социального – продукт взаимодействия между субъектами. Любой дискурс, аргументация, система знания, считающиеся приемлемыми в рамках той или иной формы жизни, конструируются и разворачиваются как особый способ гештальтизации внешней реальности и положения дел в ней, согласно критериям *приемлемости* для того или иного сообщества / формы жизни. К. Герген в книге «Социальная конструкция в контексте», исходя из этого, заключает: «Аргументы и реалистов, и конструкционистов – это формы дискурса» [4, с. 41]. Таким образом, их использование в любом случае всегда отсылает к одной из множества сложившихся или потенциально возможных форм жизни: «Для большинства людей эти потенциально противоречащие дискурсы без особых проблем стоят бок о бок наряду с множеством других альтернатив (например, духовный, романтический, мифический дискурс)» [4, с. 42–43]. Рассматривая научный дискурс как одну из форм действия, СК, в итоге, приходит к неадекватному выводу о сущности знания и познания: «Подобно дискурсу, все, что мы считаем культурально обоснованными действиями, приобретает свое значение на основе того, чем оно не является» [4, с. 52]. Знание, вне всяких сомнений, является результатом культурально обоснованных действий. Действие субъекта, как и его интересубъективная оценка, безусловно, не являются бесосновными. Однако значение содержания знания не является «культурально обоснованным»: таковой является лишь его форма, характер «пропозициональных установок». Содержание же, к примеру, научного знания истинно или ложно безотносительно культурной его рецепции. Связь ментальных предикатов с внешним миром, вопреки СК, не детерминируется исключительно социальным контекстом и конструкцией в нем – заключая обратное, Герген и его сторонники неправомерно отождествляют идеографическое и номотетическое знание. Пример неправомерности этого отождествления встречается в работе К. Сагана «Наука – как свеча во тьме». Рассматривая истинность предсказаний погоды туземцами, живущими в долине Ориноко, ученый пишет: «Вполне возможно, за тысячи лет туземцы накопили огромное количество наблюдений <...> и установили определенные причинно-следственные связи для определенной области, какими ни один университетский специалист не располагает. Однако шаманы Ориноко отнюдь не способны предсказывать погоду в Париже и Токио, не говоря уж о глобальном климате» [15, с. 260]. Условие последнего – наличие номотетического знания о погоде и климате, как минимум, для планеты Земля. Тожество же бытия и сознания, где именно бытие является определяющим, в сочетании с интересубъективной оценкой, дает возможность оценить знание не по культуральным критериям, но согласно критерию соответствия высказываемого наблюдаемому положению дел во внешней реальности, независимо от формы жизни. И здесь критерии верификации, особенно их практическая составляющая, предусматривающая операциональные критерии, принимаются всеми. Беспроводная передача данных из одного устройства на другое во времена Аристотеля не рассматривались бы как нечто истинное или ложное – они находились бы в области нереальности, по «культуральным» и историческим

причинам. Однако демонстрация феномена такой передачи данных (равно как и самих устройств, способных на это) при доказательстве того, что наблюдатель не имеет дело с обманом или задействованием неизвестных сил («колдовства»), безусловно, сделали бы эту передачу реальной и «для» древних греков.

СК безусловно прав в том, что реалистский дискурс – это «язык взаимного доверия. <...> В то же время такой дискурс также функционирует как инструмент контроля. Он ограничивает область возможностей, тем самым способствуя силам консерватизма и формальному порядку вещей» [4, с. 45]. Но разве не так же обстоит дело и с критическим дискурсом? В споре между двумя позициями *A* и *B*, позиции *C*, *D* и *E* могут попросту игнорироваться, не учитываться, а следствия *A* и *B* для измерения *X*, которое исключается из измерения *Y*, к которому принадлежат дискуссии вокруг *A* и *B*, исключаться, «заглушая» голос потенциальных собеседников в указанном вопросе. И это – неотъемлемая проблема любого критического дискурса или дискуссии вообще. Так, к примеру, в дискуссиях вокруг права на аборт или его запрета игнорируется вопрос прав женщин и их свободы выбора; в дискуссиях вокруг гендерного и полового неравенства может игнорироваться аспект расизма, связанного с другими, выстроенными в современном мире, иерархиями угнетений. С этой проблемой пытается (пока что безуспешно) бороться интерсекционализм как направление социальной критики, направленное на учет всех этих аспектов. Но все эти недостатки критической дискуссии попросту несоизмеримы с дискуссиями о природе знания, в которых участники должны выбирать между антиреалистической и реалистической позициями, а также между их промежуточными формами (среди которых – и упомянутый ранее эпистемологический дуализм). Выбор онтологий принципиально ограничен по той простой причине, что ни СК, ни любое другое направление релятивизма не могут сказать о реальности ничего нового на метатеоретическом и онтологическом уровне, помимо представленных сегодня альтернатив. Как бы мы ни пытались выразить «новую позицию» за пределами существующих дискурсов, проблема распадается на две «классических» антиномии: (1) внешний мир либо является каузально замкнутым физически, либо содержит «вне себя» некую трансцендентную непознаваемую причину или сущность, из которой проистекает этот мир; (2) внешний мир познаваем адекватно, неадекватно, либо лишь с определенной долей адекватности (последняя позиция – эпистемологический дуализм). Большинство ученых, включая ряд антиреалистов и самих представителей СК, выбирают первый тезис. В то же время, присоединяясь к антиреалистской теории познания, сторонники позиции «непознаваемости» или эпистемологического дуализма (к коим уместно причислить и СК) отрицают каузальную замкнутость физического мира, компонентами которого являются мышление субъекта и его познавательные операции. По моему мнению, подобное насильственное разъединение онтологических и эпистемологических оснований является неправомерным: из выбора в (1) необходимым образом следует тот или иной выбор в (2), причем некоторые из вариантов решения для (2) не могут непротиворечиво следовать из любого выбранного варианта (1).

Каковы, согласно СК, наши критерии для принятия того или иного дискурса? Приводя в пример проблему жизни в науке и других дискурсах, Герген рассуждает: «Если материальная смерть – это просто материальная смерть, и на ней все заканчивается, тогда какой же скудный мир значений мы наследуем! Если смерть может также значить воссоединение с ушедшими близкими, место рядом с Богом, движение в бесконечном круге становления или конечное спокойствие, наш мир

обогащается: культуральная жизнь более пригодна для существования» [4, с. 34–35]. В этом случае основным критерием выступает не достоверность знания, а семантические и эстетические критерии: прагматическая полезность знания и возможности его использования отходят на второй план в сравнении с «красотой» и «богатством содержания» концепций о неизвестном до конца явлении, которым в данном случае является феномен жизни. Однако СК предлагает в качестве решающего критерия выбора *самообман!* В сущности, в этом высказывании и кроется саморазоблачение программы СК – истинному/ложному здесь предпочитается *культурально бедное/богатое*. Однако такие критерии не могут использоваться в науке по личному (или групповому) желанию субъекта научной деятельности, в случае, если культуральная бедность/богатство («*fruitfulness*») не соответствуют истинному/ложному содержанию пропозиционального знания (они, естественно, ему не соответствуют). Таким образом, несмотря на верные во многом положения о зависимости познания от действий, являющихся следствием более глубинных социальных взаимодействий, в целом позиция СК для понимания науки как специфического дискурса и рода деятельности является неприемлемой.

Покончив с критическим анализом возможных крайностей, в которые может впасть деятельностный подход в эпистемологии и философии науки, перейду к изложению конструктивной части предлагаемой программы.

Биологические деятельностные компоненты знания и познания

В наиболее общем смысле деятельностный подход в эпистемологии и философии науки означает индексацию компонентов научного знания и познания, непосредственно зависящих от человеческой практики, а также указание на их зависимость от нее и детерминированность конкретных содержательных компонентов знания его практической составляющей, с последующим анализом всех «вырезанных» объектов, синтезом их и моделированием. Наиболее общим образом, эти компоненты можно разделить на *биологические* и *социальные*. Следовательно, речь идет, в первую очередь, о деятельностной природе *восприятия внешнего мира* и деятельностной природе *познания как предметно-практической деятельности* сообразно конкретной интенциональной установке. Чилийский нейробиолог и эпистемолог У. Матурана напрямую отождествляет биологические процессы субъекта с познанием, формируя, таким образом, концепт «когнитивного агента», актора, познающего мир во взаимодействии с ним, усваивающего знание сообразно своим инстинктам и механизмам когнитивного картографирования. Независимо от вида, любой живущий организм, по У. Матуране и его соавтору, Ф. Вареле, обладает большим или меньшим когнитивным потенциалом. «Взаимосвязь между действием и опытом, эта нераздельность конкретного способа существования и того, каким этот мир предстает перед нами, свидетельствуют, что *каждый акт познания рождает некий мир*.<...>*Всякое действие есть познание всякое познание есть действие*» [12, с. 23]. Операциональная замкнутость нервной системы, ответственной за восприятие результатов взаимодействия, также замкнута и каузально: такая обособленность человека (его индивидуальность) позволяет ему производить определенные действия, результатом которых становится информация о внешнем мире, как новая, так и тривиальная (и на эту информацию, при прочих равных условиях, субъект познания реагирует по-разному). Однако и за пределами нервной системы, у существ, лишенных ее, имеются зачатки «животной индукции» как основания познавательной активности. «Животное действительно ведет себя как

«чистый», «идеальный» эмпирик: оно бессознательно и чисто «индуктивно» «обобщает факты», не производя при этом никаких сознательных операций с понятиями» [6, с. 220], – пишет Э. Ильенков, полемизируя с установками логического позитивизма. Однако есть мера, согласно которой мы сравниваем операциональные способности «эмпирика»-животного (на разных ветвях древа эволюции) со способностями человека. Ни для одной эпистемологии (со времен Сантаяны) не секрет, что человек способен создавать понятия и оперировать ими на разных уровнях. Все это возможно благодаря наличию мозга, нервной системы, существующих сенсорных систем. Но и одноклеточный организм, тянущийся к источнику света или кусочку сахара, тоже в определенной мере «познает». «Познание» волка или рыбы не тождественно способностям к познанию у одноклеточного, но не доходит и до человеческого уровня.

Следует заключить: *мерой сравнения* является способность ко внутреннему и внешнему действию когнитивного агента, поскольку, если действие внутренне возможно, внешне осуществимо, данные, которое это действие принесет, также должны быть усвоены как информация на «физическом носителе». Например: если волк не способен читать письменный текст, он не сможет произвести осознанного действия, *направленного на чтение*; если амеба не способна ощущать привязанность к существу, которое она «познала» бы как друга, она не будет даже «внешне», процессуально, хотя бы *имитировать* процесс дружеской привязанности. Таким образом, сложность знания и его структура у когнитивных агентов варьируется сообразно предпринимаемым ими действиям наравне с интенциональными актами (внутренней направленностью, ментальным состоянием, указывающим на неосуществимое сейчас или *вообще* внешнее действие). «Если задуматься над тем, каким критерием мы пользуемся, когда говорим, что некто *обладает* знанием, то станет ясно, что под знанием мы понимаем эффективное действие в той области, в которой ожидается ответ. <...>Мы ожидаем эффективного поведения в контексте, который мы задаем своим вопросом» [12, с. 153], – пишут Матурана и Варела. Не получая эффективного поведения, мы заключаем: либо когнитивный агент не обладает знанием, либо он попросту *не способен* это знание получить. Таким образом, оценка знания, интерсубъективное его подтверждение/опровержение действительно производятся в контексте отношений, как это утверждает социальный конструкционизм. Однако, вопреки СК, приписанное истинностное значение и эпистемическая ценность будут независимы от культурно-исторических условий. Зависят они от правомерности оценки знания и его полноты.

«Человеческое познание как эффективное действие принадлежит биологической области, но всегда проживается в той или иной культурной традиции» [12, с. 215]. Познание и знание человека о том, что он *познает*, направляет его дальнейшие действия. Сами действия, основываясь на знании, ведут к получению нового знания, стихийно-обыденного и теоретического, идеографического, законоподобного и номотетического, детерминистического и статистически-вероятного. Как процесс, познание представляет собой особого рода *действие* в области взаимодействий системы, при поддержании ею самой себя и/или допустимых выходах за собственные пределы («трансцендировании»). «Множество всех взаимодействий, в которые может вступать та или иная сущность, является ее областью взаимодействий. Множество всех отношений (взаимодействий, опосредованных наблюдателем), в которых сущность может наблюдаться, является ее областью отношений» [11, с. 98], – пишет Матурана в другой своей работе «Биология познания». Когнитивный мир субъекта

познания в области таких отношений представляет собой чередование модусов взаимодействия, таких как: беспорядок («непознанные данные») в столкновении с ним; организация беспорядка в процессе взаимодействия с ним, активными действиями над беспорядком; порядок – систематизация «беспорядка» сознанием познающего субъекта. Порядок, естественно, является метаустойчивым, временным, ведущим к новому «беспорядку» в процессе жизнедеятельности и познания субъектом новых вещей и столкновения с сущностно новыми для его системы знания положениями дел – все это требует новой организации, часто разрушающей старый «порядок» (как это было, к примеру, во время «вторжения» в физику объектов микромира, с одной стороны, и краха эфирной теории, с другой). Организационные петли когнитивных актов в своей сущности, выражаясь языком теории систем, представляют петли обратной связи: за действием₁ следует реакция₁, свидетельствующая о характере полученного субъектом знания и его истинности или ложности. Результатом «реакции на реакцию» становится знание₁, в свою очередь, выступающее основанием действия₂. Реакция₂ внешнего мира (или другого субъекта) на действие₂ может выступать своего рода критерием оценки знания₁: сообразно тому, какова содержательно реакция₂ и насколько она совпадает с предсказаниями или любого другого рода ожиданиями, можно судить и о мере истинности знания₁, необходимости замены его знанием₂ или ее отсутствии (или о мере такой замены). В этом смысле знание как продукт обратной связи сознания и мира оценивается согласно референциальной тождественности сознания и действия: «*S* думает, что *P* и что, если сделать *X*, то *P*». Совпадение «ментальных предикатов», представленных пропозициональным содержанием *P*, с действием *X*, позволяет *S* делать выводы о знании₁ и возможности или необходимости получения знания₂.

Популяции нейронов, функционально структурирующие человеческий мозг, непрерывно анализируют информацию внешнего мира, дробят ее («аналитически»), сводят в целостные образы («синтезируют» их), преобразовывают, реагируют на «новизну» (неузнаваемые, новые образы и потоки информации), «тривиализируют» (ослабляют активность в случае восприятия «привычных» потоков информации или «старых» образов). «Всякий нервно-психический процесс есть не только отражение явлений реального мира, но и отношение к ним, – единство отражения и отношения» [14, с. 125], – пишет советский ученый Б. Поршнева. Рецепторы сенсорной системы человека способны действовать и обратным способом, как эффекторы, реагирующие и изменяющиеся под влиянием «ответов» со стороны внешнего мира или под влиянием сигналов из других отделов нервной системы. Субъективность как идентичность в контексте ее роли в эпистемологии можно рассматривать не как пассивную статистическую однонаправленную эквивалентность, но как активность, основанную на аутопоэзисе «Я», самоидентичность которого основана на активности восприятия и активных действиях.

«Отрицательная обратная связь – не только добавка, которая ведет к завершению корректировки, а регуляция – не просто вклад регулирования. Это – не просто организация эффективности и автоматической точности при функционировании. Это – создание ретроактивной целостности, которая оказывается наделенной собственными организационными свойствами» [13, с. 238], – встречаем мы у Э. Морена. Ретроактивная целостность знания может быть понята как апостериорное знание по Канту, а регуляция – как «кумулятивная», накопительная составляющая процесса познания. Выходные импульсы, возникающие в нейронах, непрерывны, а эффекты и аффекты, возникающие в мозгу, возникают в системе в целом, в

популяциях нейронов. Они не редуцируемы к «элементарному уровню»: базовым их основанием выступает принадлежность к той или иной популяции нейронов, образующих долю мозга или ее компонент. Эта же мысль подтверждается идеями В. Зингера, пишущего об опытном подтверждении концепции синхронно возбуждаемых популяций нейронов (клеточных ансамблей) Хебба: объекты через влияние ретикулярной формации на кору головного мозга ведут к синхронному возбуждению популяции клеток, образующих «ансамбли восприятия», образующие, в свою очередь, представления и образы внешнего мира или элементов субъективной реальности (в том числе и фиктивные «объекты» памяти, когнитивные метафоры, возникающие «изнутри» в ходе размышлений и так далее). Исходя из этих данных исследования мозга, можно утверждать, что «квазиобъекты» субъективной реальности в равной степени детерминируются деятельным восприятием и мозговой активностью, а само мышление и вызывание ушедших образов представляет собой упомянутый выше вид внутреннего действия.

Каждый раз говоря об активности нейронных ансамблей, мы говорим об «активном восприятии», процессуальной обработке образа, о *практике* восприятия, которая ведет от мысли к действию, о перетекании процессов в мозгу и организме в целом во внешние действия субъекта, а не об одностороннем «приеме» данных и их отражении. Сама мысль о действии как интенциональная установка, предшествующая ему, представляет собой качественно новый режим относительно простого восприятия, «еще-не-действия». «Бытие, существование, Я – это эмерджентные проявления целостности, рекурсивно обратной воздействующей на саму себя как целостность; в то же время это – продукты-производители производства-себя» [10, с. 264], – пишет немецкий ученый К. Майнцер. Генотипическая, фенотипическая и экологическая коммуникация, начиная с биохимической организации и заканчивая когнитивной систематизацией получаемой информации, необходимым образом взаимосвязаны, и каждый элемент этой цепи отыгрывает активную роль в процессах жизненной активности субъекта. При этом экологическая коммуникация человека – людей – человечества представляет собой единственный известный тип «двойной артикуляции», совокупность, существующую за пределами информации генетического кода, порождаемую при этом в связи с алгоритмами функционирования, предусмотренными этим кодом, за счет «позволения» в пределах этих алгоритмов формирования вторичной сигнальной системы, выступающей основанием социальных процессов. Эта система информации воплощена в материальных экземпляризациях когнитивных действий субъектов, которые обладают специфическими «аппаратами захвата» (материальными, концептуальными, перцептивными, гештальтными) субъектом элементов внешнего мира, знаковым содержанием, отсылающим к другим знакам и знаковым системам или непосредственно к референтам и денотатам во внешней реальности.

Иными словами, само наблюдение всегда сопровождается мышлением и, соответственно, рефлексией (*размышлением, раздвоенным мышлением, мыслью о мысли*), что ведет к содержательным изменениям в состояниях мозга (как функциональных ментальных состояниях). Результатом этих процессов *может* стать новая композиция состояний мозга в виде идей, которые ведут к новым физическим информационным состояниям – от смутных предположений или упорядоченных идей до внезапных «интуитивных» озарений, носящих характер «скачков». Эти изменения физических воплощений информации в носителях-популяциях нейронов способны оказывать глубочайшее воздействие на содержание человеческого знания.

Системологическая интерпретация этих скачков может быть представлена следующим образом. В процессе обратной связи, в ходе тех или иных действий может иметь место диссипация – нарушение целостности накопления знаний кумулятивным образом, переход к эмерджентному получению знаний, предикатами для репрезентации которого служат концепты «нелинейный» или «скачкообразный». В одних случаях речь идет о стандартном действии, которое ведет к неожиданным результатам (как в случае с исследованиями М. Планка для абсолютно черного тела). В иных ситуациях речь об оперировании понятиями или идеальными объектами через движение от абстрактного к конкретному, где в ходе наполнения «общего» определения конкретными свойствами, присущими эмпирическим экземпляризациям идеального объекта, «возникает» новое содержание о нем, новое знание. Наконец, такое эмерджентное знание, сопряженное с конкретными действиями, может стать результатом конвенции: таково, к примеру, принятие введенной Ч. Пирсом стрелки следования (импликации), используемой в большинстве метаязыков современной логики, семантики и семиотики и по сей день. Речь идет о концептуальном выдвигании в пределах идеальных объектов науки и о принятии/непринятии концепта научным сообществом. Подобным образом функционирует весь «институт» именованной науки – от названий небесных тел в астрономии, до названий и свойств величин измерения, способов дробления пространства. В последнем случае мы опираемся на нашу биологическую конституцию. Так, к примеру, шкала прибора создается, в первую очередь, для того чтобы быть увиденной (а не услышанной или осязаемой), хотя, при необходимости, мы можем сделать шкалу и «звуковой», и доступной осязанию. Сообщество на intersубъективном уровне выбирает, каким образом ему удобнее *действовать во время измерения*, при этом *действуя со знанием о том, как это измерение проводить*. Таким образом, протокольные критерии зависят от первичных, «нетеоретических» действий, а все дальнейшие действия субъекта на их основании будут представлять собой сочетание «биологии действия» и его «эпистемологии»: содержание полученного постфактуального знания соединяется с рефлексивным действием, не связанным с пропозициональными установками этого знания.

О необходимости разделения метрического пространства и пространства вне единиц измерения пишет в своей теории экологической оптики Дж. Гибсон: «Компоненты окружающего мира и события в нем естественным образом распадаются на элементы. Эти элементы встроены друг в друга. Их не следует смешивать с метрическими единицами пространства и времени» [5, с. 43]. При этом сами по себе метрические единицы не являются чем-то искусственным и «чуждым миру»: они представляют собой способ *разбиения* мира на объекты познания, действие, осуществляемое над реальностью «в себе и для себя», позволяющее субъекту определенным образом выразить информацию о реальности. «Наблюдатель и его окружающий мир взаимно дополняют друг друга. В таком же соотношении (взаимодополнительности) со своим общим окружающим миром находится и совокупность наблюдателей» [5, с. 42]. «Дополнение», со стороны наблюдателя, заключено в действии, а характер действия как истинного или выражающего истину по отношению к общему миру оценивается взаимодействием совокупности наблюдателей и их активностей. Дополнительность активностей, в свою очередь, является фундаментом «дополнительности» знания. К примеру, химический элемент *E* может быть объектом исследования органической или неорганической химии; гидродинамики; фундаментальной физики; механики (ньютоновской или квантовой); географии; астрофизики; экологии; охраны труда; пищевых технологий и других

наук – от прикладных до фундаментальных. И все знания о *E* будут одинаково истинны «с точки зрения» герменевтических и метафизических установок наук, исследующих *E*. Так, с точки зрения установок астрофизики, протокольным критерием для того, что должно считаться данными о *E*, является, к примеру, наличие или отсутствие *E* на тех или иных астрономических объектах; с точки зрения экологии, таковым может выступать наличие или отсутствие *E* в экосистеме, характер и степень влияния *E* на окружающую среду (где последняя, в свою очередь, особым образом «вырезается» из внешнего мира как объект экологии).

Условием же для оценки таких знаний о *E* как «объективных» является intersубъективное согласие сообщества познающих субъектов, рассматривающих *E* как «общий элемент общего для всех мира». Основанием для такого согласия на фундаментальном уровне, задающем всю деятельность относительно *E* и до «столкновения» с ним, является структурная изоморфность когнитивных систем субъектов, между которыми требуется достичь intersубъективного согласия. Иными словами, речь об упомянутом ранее тождестве или сходстве источников возможностей внутренних и внешних действий людей как когнитивных агентов. Теоретическое сознание и сам процесс теоретизирующего мышления – от создания научной гипотезы и теории до осмысления результатов эксперимента, вплоть до повседневных выводов здравого смысла – не простой процесс «кумулятивного развития» мысли, а диалектический процесс, борьба не только на уровне сообщества, но и на уровне субъективного сознания, между популяциями нейронов субъекта (в первую очередь, в дорсолатеральной коре префронтальной коры), и результат этой борьбы может в некоторых случаях привести лишь к разочарованию. В случае же поиска удовлетворительного решения проблемы в мыслительный процесс «включаются» прилежащее ядро и гипоталамус. В случае возникновения мыслей об опасности и при неудовлетворительных решениях доминирует орбитофронтальная зона коры. Таким образом, можно утверждать, что познающее мышление представляет собой своего рода «деятельностный конфликт» между прилежащим ядром и гипоталамусом, с одной стороны, и между орбитофронтальной зоной коры, с другой, в то время как дорсолатеральная кора префронтальной коры выступает своего рода «ареной» для этой борьбы.

Подведу итоги относительно биологических деятельностных компонентов знания и познания. В качестве деятельностных предпосылок знания на биологическом можно рассматривать:

(1) Популяции нейронов в человеческом мозгу, особым образом обрабатывающие и реагирующие на сигналы внешнего мира и внутренние нейрофизиологические состояния человеческого мозга (внутреннее действие).

(2) Рецепторы сенсорной системы человека, являющиеся главным источником действия, «проводником» для которых выступает нервная система человека в целом, в ее филогенетической целостности.

(3) «Ансамбли восприятия» в мозгу, представляющие собой особые функциональные состояния мозга, вызванные влиянием ретикулярной формации на кору головного мозга.

(4) Компоненты субъективной реальности, сложившиеся в ходе деятельностного взаимодействия мозга и являющиеся когнитивным продуктом ансамблей восприятия: от образов и представлений, конструируемых в качестве новых «идеальных объектов», до рефлексии, «мысли о мысли» в пределах «Я» субъекта и интенциональных установок.

(5) Сами интенциональные установки, выступающие фундаментом внешнего действия, полагающие активность или предрасположенность к ней, либо же, в случае задействия «тормозной доминанты» базальных ганглий, сознательный отказ от активности, внутренний ее запрет.

(6) Внешние действия, «позволяемые» («*enabledby*») телом субъекта, структурно изоморфные филогенетически и акцидентально дивергентные на уровне онтогенеза.

От этих индивидуальных и видовых деятельностных биологических компонентов знания перейдем рассмотрению социальных его составляющих.

Социальные деятельностные компоненты знания и познания

Под «социальным» аспектом в данном случае я подразумеваю те компоненты знания и познания, которые являются результатом *взаимодействия* единичных субъектов в ходе их познавательной активности как особого рода коллективной деятельности. Некоторая часть социальных компонентов деятельностной составляющей научного знания и знания вообще была по необходимости представлена в подразделе, посвященном критике «крайностей» эпистемологического релятивизма. Сам по себе такого рода релятивизм исходит из абсолютизации и неверной оценки этих составляющих, в связи с чем упоминание их в данном случае было неизбежным. Репрезентацию социальных аспектов я начну с утверждения о том, что двумя главными компонентами «социальности» познания являются *образование* и *критерии принадлежности знания*.

Образование в данном случае рассматривается в значении «*Bildung*», «построения» или «самостроения» концепта, введенного в философию В. фон Гумбольдтом и развитым в философии Г. Гегеля. Идея «самопостроения» получила свое дальнейшее развитие в генетической эпистемологии Ж. Пиаже и современной философии сознания Д. Бэкхерста. По Пиаже, познавательные процессы объяснимы лишь ретроспективно, через реконструкцию фаз развития познавательных способностей, начиная с детского возраста. Познавательные процессы вида, следовательно, рассматриваются в филогенетической реконструкции, в то время как индивидуальные особенности познавательных процессов и их патологии (выход за «нормативные пределы») – в онтогенетической реконструкции. Процесс *Bildung* в разных его содержательных формах присутствует на всех фазах. Пиаже указывает на четыре основных стадии образования [16]:

1). Сенсомоторная (преобладание рефлексов, образование синаптических связей, формирование сенсорной координации, появление первых умственных представлений, становящихся зачатками допонятийного мышления; возраст – до 2 лет).

2). Дооперациональная (появление семиотической функции и начало оперирования отдельными словами, знаками и образами без сознательного их создания; возраст – от ~2 до 7 лет).

3). Стадия «конкретных операций» (способность производить логические операции применительно к отдельным заданиям и способность решать поставленные перед ним извне задачи, связанные с применением логических операций, включая понятийное мышление; от ~7 до 10 лет).

4). Стадия «формальных операций» (полноценное освоение символического мышления и процедуры абстрагирования и схождения к конкретному, вплоть до умения создания теорий (как «народных», так и научных), моделей и систем упорядоченного знания; от ~10 до 15 лет). Подобная модель формирования разума ведет к выводу о природе рациональности: рациональность не является врожденной,

но представляет собой приобретаемое свойство, возникшее в ходе филогенеза и требующее прохождения определенных фаз умственного развития «в миниатюре» на уровне онтогенеза. Следовательно, рациональное мышление «врожденно» в биологических структурах мозга, однако не возникает необходимым образом: возникновение его требует взаимодействия с непосредственными носителями рациональности. В данном случае неважно, говорим ли мы о научной или любой другой рациональности: везде, где мы имеем дело с упорядоченной конструкцией мира в тех или иных наборах ментальных предикатов и символов, мы имеем дело с одной из моделей рациональности, которую субъект в своем индивидуальном развитии должен «присвоить», «получить» до того, как полноценно оперировать семантическим содержанием этой системы. Д. Бэкхерст, анализируя в работе «Формирование разума» концепт *Bildung*, описывает его содержание следующим образом: «Трансформация в результате *Bildung* делает ребенка не просто чем-то в мире, взаимодействующим со своим непосредственным локальным окружением, но субъектом, с точки зрения *на* мир, который может думать и действовать в свете этой концепции» [3, с. 36]. Однако Бэкхерст в своей теории сознания отрицает онтогенетическую природу рациональности, утверждая: «Не существует того момента, когда ребенок становится рациональным, за исключением того, что существует момент, когда он впервые квалифицируется, как говорящий на своем родном языке» [3, с. 38]. Способы же овладения языком, по Бэкхерсту, безусловно варьируются. В частности, их можно разделить на четыре этапа [3, с. 41–44]: 1). Способность идентифицировать внешнюю вещь повторно. Речь не идет об установлении одно-однозначной идентификации («А есть А»), но, скорее, о довербальной способности отождествлять экземпляфикации вещи с ее образом («эйдосом»): *a* есть *A*, *b* есть *A*, *c* есть *A* и т.д. 2). Овладение простыми словами. Зная, что *X* именуется *a*, которое в сущности суть *A*, ребенок, по аналогии с довербальным отождествлением, отождествляет именование *b* и *c* с *X*, усматривая в них *A*. 3). Усложнение лингвистического знания ребенка: известные слова начинают связываться с критериями, контекстами, условиями их применения. В отличие от этапа 2, ребенок не просто произвольно манипулирует отдельными словами, но учится применять их в конкретных ситуациях. «Ребенок начинает обосновывать свои мысли и речь, и это включает понимание типа понятийных связей и логически выводимых отношений» [3, с. 43]. Если это миска, то в ней появляется еда, она может разбиться, она скользкая, бывает холодной, теплой и т. д. Критерии понимания вещей и их оценки в данном случае «наследуются» ребенком, привносятся в его сознание социальным взаимодействием. Лингвистическое знание становится также знанием о базовых каузациях. 4). Этап осознания субстанциональной независимости внешних вещей и их существования сообразно их собственной природе. Независимо от того, как я реагирую на животное или взаимодействую с ним, его поведение, вне конкретных реакций на мои действия, является независимым от меня. Однако Бэкхерст, в отличие от большинства аналитических философов, не рассматривает становление «языковой рациональности» как нечто трансцендентное или возникающее само по себе: «Ошибкой является исключение практики из области понятийного» [3, с. 48]. Образование приводится «в силу» через, с одной стороны, постижение понятий и умение ими оперировать, с другой – через действия, позволяющие «присваивать» эти понятия и свойства окружающих и недоступных вещей (от игрушек до Луны на небе). Сам мир существует как *объект мысли* (за пределами простого восприятия) лишь благодаря *активному взаимодействию*,

которое определяет содержание наших мыслей о нем. Соответственно, понятийные его аспекты, приобретаемые в процессе образования, в своем основании имеют действия и взаимодействия. На довербальной стадии действия представляют собой процесс активного «присвоения мира», обеспечивающего первичную его гештальтизацию (восприятие отдельных от тела объектов, ориентация в пространстве, первичные ощущения, вызываемые последствиями действий и т. д.).

Включение субъекта в пространство смыслов, объективно существующее как материалистически истолкованное «идеальное» («отпечаток в мозгу»), требует отдельной серии действий и практик, упражнений в использовании знаков, манипуляций знаками по образцу, экспериментирования с активно присвоенными понятиями. Объективная реальность пространства смыслов детерминирована, с одной стороны, внешним миром, с другой – человеческой историей. А образование представляет собой ключевой компонент «вторжения» в это пространство через активное присвоение базовых понятий и категорий, дальнейшее их понимание по изначальному «методу», состоящему из ряда «алгоритмов» познающего, вплоть до конструирования новых понятий и категорий, создания новых «концептуальных очков». Высшие психические функции, согласно Выготскому, немислимы без образования: оно делает человека «тем, кто он есть», согласно критериям оценки человека как биосоциального существа. Действие, деятельность и знание как их результат составляют «краеугольный» камень процесса образования («*Bildungsprozess*») как при-общения к человеческому сообществу.

Э. Ильенков в своей «Диалектике абстрактного и конкретного» высказывает мысль, которая может служить переходом от образования к критериям принадлежности знания: «Человек (при том, разумеется, условии, если он действительно мыслит факты) всегда приступает к анализу эмпирических фактов не с «пустым» сознанием, а с сознанием. Развитым в ходе образования. Иными словами, он всегда приступает к фактам с точки зрения тех или иных «понятий» <...> Понятия, усвоенные человеком в процессе образования, есть вовсе не пассивный груз в кладовой его памяти, а активнейшая форма, с помощью которой он только и может воспринимать факты в свое сознание» [6, с. 221, 223]. Таким образом, по Ильенкову, понятия выступают основанием для «разбиения» мира на категории, образы, объекты и процессы. Схожую мысль о категоризации (как о продукте взаимодействия активно присвоенного символа и соотнесения его с категорией-референтом во внешнем мире) высказывает и Дж. Лакофф в своей теории прототипов: «Человеческая категоризация есть в своей сущности продукт человеческого опыта и воображения – восприятия, двигательной активности и культуры, с одной стороны, и метафоры, метонимии и ментальной образности в целом, с другой» [7, с. 23]. Говоря о понятиях (концептах), ученый также пишет: «Человеческий язык базируется на человеческих концептах, которые, в свою очередь, мотивированы человеческим опытом» [7, с. 273]. Как и Ильенков, Лакофф представляет следующую модель генезиса пропозициональных установок (индивидуально формируемых в ходе образования субъекта): действие → опыт → концепты / категоризация ↔ средства выражения. Ознакомление субъекта с разными видами знания, то, что называется «специальным образованием» как углублением в сферы комплексов пропозициональных содержаний, означает, помимо овладения специальными понятиями, овладение *критериями*, подобно которым то или иное высказывание или текст следует оценить как определенное знание.

Ввиду этого, под *критериями принадлежности знания* следует понимать специальное знание о свойствах, признаках, отношениях, метафизических

установках, историческом контексте возникновения дискурсивной формации, выступающей каркасом этого знания, по которым знание следует отнести к определенной группе (мифологическое, религиозное, обыденное, ненаучное, практическое, научное знание) и категории (идея, догадка, теория, когнитивный образ, гипотеза, дисциплина) знаний. Рассматривая критерии принадлежности знания, я буду использовать пример научного знания, поскольку именно в нем можно усматривать все компоненты, которые можно отнести к деятельностным составляющим знания. Исходя из этого, под *критериями научности* в общем смысле слова понимаются требования и способы оценки, позволяющие заключить, что знание, претендующее на статус научного, является таковым. В научном знании имеют место следующие критерии: семантические; операциональные; протокольные; джастификационные; герменевтические (включая сюда онтологические и метафизические); институциональные. *Семантические* критерии представляют собой совокупность средств выражения в науке, открытые значения, функционирующие в качестве научных концептов, формируемые конвенционально (в ходе коммуникации ученых) и оцениваемые intersubjectively. *Операциональные* критерии представляют список процедур, инструментов, алгоритмов действий, которые, как считается, необходимо делать для получения истинного знания о мире. *Протокольные* критерии определяют, что считать в качестве научных данных в ходе познавательных действий, а также единицы, в которых производится измерение. Они задают основание для эмпирического знания и – шире – научных фактов, представляя своего рода концептуальное «решето», отсеивающее информацию, не существенную для учета ее в научных данных. *Джастификационные* критерии задают нормативное измерение спора в научном сообществе и способов доказательства истинности предлагаемых гипотез и теорий. Вполне очевидно, что научные дискуссии ведутся «специфическим образом», и ряд алгоритмов аргументации и других видов доказательств неприменим здесь: к примеру, в научном знании не может быть способов джастификации знания на основании личной веры, как в религиозном знании; фальсификация и любой другой вид умышленного обмана также не могут быть средством рациональной аргументации в науке. *Герменевтические* критерии являются изначальной интенциональной установкой исследователя, внутренней картиной мира, с которой он приступает непосредственно к исследованию. Речь о том, как истолковывает сам исследователь получаемые им данные, из каких фундаментальных теорий исходит, какие критерии оценки считает валидными, как рассматривает реальность и так далее. Безусловно, в зависимости от всех этих моментов, содержание знания будет различаться – от псевдонауки до радикального сциентизма. Именно поэтому уровень истолкования теории, данных исследования и мира в целом, понятый как понимание их исследователем, включает метафизические (глубинные) и онтологические (относящиеся к бытию) основания. *Институциональные* аспекты представляют собой сеть акторов, в пределах которой разворачивается научная деятельность, представленную совокупностью определенных институций. Не каждая социальная институция соответствует критериям научности. Так, к примеру, существуют требования к учебным и исследовательским заведениям, нарушения которых приведут к утрате заведением статуса учебного/исследовательского (или к тому, что они такой статус изначально не получают). Научное сообщество и общество путем определенных конвенций, регулируемых учеными и чиновниками (на законодательном уровне) формирует институции, считающиеся научными и учебными учреждениями. Эти учреждения финансируются государством, выполняют

частные заказы, борются за гранты, формируют исследовательские программы, отвечают за внедрение некоторых научных разработок в жизнь и так далее.

К критериям, составляющую которых можно охарактеризовать главным образом как деятельностьную, следует отнести операциональные, джастификационные, институциональные и, в некотором роде, герменевтические. Начнем с анализа «однозначно» деятельностьных компонентов.

Операциональные критерии – это, собственно, совокупность *операций*, то есть конкретных *действий*, которые используются (или которые рекомендуется использовать) при познавательной активности. Их статус как деятельностьных компонентов теории познания не подлежит сомнению. Как способы действий они представлены: *дизъюнктивными сериями* (возможностью выбора между отдельными операциями для достижения одного и того же результата или наборами подобных операций, где предпочтение операции определяется субъективными и объективными факторами – от навыков и знаний субъекта до результативности действия и точности данных); *актуальными множествами* (совокупностью операций, которая *реально* используется в той или иной дисциплине или другой эпистемической области); *виртуальными множествами* (потенциальными операциями: таковы действия или эксперименты, принцип которых известен, но не реализуем на практике в данный конкретный момент развития науки; подобные данные о возможных экспериментах, естественно, являются приблизительными, однако эти предположения основываются на прогнозах об эффективности недостижимых в данный момент практик). В свою очередь, актуальные множества могут быть *достаточными* (когда существующих операций достаточно для познавательных действий) и *вынужденными* (когда, за неимением других, более эффективных методов, при потребности в них, приходится прибегать к тем, которые только и являются возможными).

Джастификационные критерии, исходя из их сущности, являются деятельностьным компонентом оценки знаний. Они представляют собой совокупность процедур, *действий*, которые необходимо предпринять для того, чтобы оценить истинность, уместность, успешность, полноту знания, определить его статус в системе знаний и картин мира, провести демаркацию между этим знанием и другими видами и формами знаний. Джастификация позволяет отделить гипотезу от догадки, догадку от идеи, идею от теории; но она также позволяет разделять науку и псевдонауку, религию и мифологию как системы знаний и так далее. Не существует априорных принципов верификации, приложимых к каждой конкретной, отдельно взятой идее: каждый эмпирический случай джастификации требует ряда активных действий со стороны научного сообщества или его части на предмет проверки предлагаемого им знания. Согласно Л. Лаудану, сегодня демаркация является «мертвой проблемой». Взамен философ предлагает критерий оценки по степени эпистемической надежности и достаточности оснований. Однако даже такие критерии оценки требуют джастификационистских *операций* (впрочем, я не вижу оснований соглашаться с Лауданом в эпоху разгула псевдонаук и повального обращения к разным формам мистицизма). Процедуры джастификации по типам действия можно условно разделить на *аналитико-синтетические* процедуры и *практические* испытания. Под первыми следует понимать совокупность методов, принятых внутри отдельных наук (например, радиоуглеродный и дендрохронологический анализ в археологии и палеонтологии, эксперименты в химии и физике и др.), а также на междисциплинарном уровне (как прескриптивные требования к знанию, вырабатываемые на уровне метатеории – в эпистемологии и философии науки).

Вторые представляют собой практическое внедрение теоретического знания в жизненный мир человека или встраивание теоретического и практического знания, условно принятого в качестве истины как «среднее звено» цепи пропозициональных знаний. Предположим, что оценивается некая теория T , которой содержательно и хронологически предшествовала теория T^* . Условно допуская истинность генетической взаимосвязи « $T^* - T$ » как совокупности истинных знаний, ученые, принимая положения T , разрабатывая область исследований, проверяют, влечет ли T новые теории T' и T'' , имеет ли T своими следствиями получение новых истинных знаний. Таким образом, все сводится к оперированию T , практическому его применению в научном мышлении и познании. Собственно, даже выстраивая изначальную сеть доказательств вокруг верования, точки зрения или гипотезы, создавая защитный пояс, способный повысить уровень знания до теории, субъект, на которого ложится бремя доказательства, прибегает именно к действиям для джастификации отстаиваемой им позиции.

На уровне институциональных критериев можно говорить о нормах и прескрипциях, регулирующих саму деятельность ученых, научную этику (как тип отношения к реальности и своей деятельности), деонтологию и др. Подобные предписания вырабатываются конвенционально и эволюционируют диахронически, однако в сущности, как их выработка и замена, так и непосредственное содержание представляет наборы действий, от *поведения* (в аудитории, в лаборатории, среди коллег на конференции, в общении с инвесторами) до *регулятивов* для непосредственных актов познания (прозрачность, открытость, недопустимость фальсификаций и так далее). Таким образом, институциональные критерии, куда я условно отношу и предметы этики и социологии науки, подразумевают *предписание* одних действий и *исключение* других из деятельности ученого. Между предписанием и исключением (понятым как «категорические императивы» научной деятельности) расположены более «умеренные» модусы *одобрения* (A предпочтительней B , но B допустимо), *рекомендации* (*рекомендуется* A , но B допустимо), *порицания* (A приветствуется, B – возможно, но не принято среди научного сообщества), *нежелательности* (*желательно* A , но, при определенных обстоятельствах, возможно и B). «Умеренные» модусы часто и во многом произвольны и в некоторых ситуациях становятся причиной нарушения институциональных критериев. К примеру, может существовать научная школа, идеи руководителей которой были верны и продуктивны лишь до определенного момента. После того, как эти идеи были признаны контрпродуктивными или откровенно ложными, а более успешными стали считаться другие идеи, руководители школы могут остаться принципиальными сторонниками собственных позиций. Они могут деструктивно влиять на тех, кто связан с этой научной школой тем или иным образом (лаборанты, аспиранты, менее известные научные сотрудники, протеже, студенты и др.) подчиняя их действия парадигме своей, утратившей целостность «ядра», исследовательской программы. В то же время, не соглашаясь внутренне с положениями руководителей научной школы и признавая правоту оппонентов, субъекты негативного влияния вынуждены в своей деятельности (методической работе, преподавании, научных публикациях, выступлениях) имитировать согласие с идеями руководства. Налицо асимметрия сознания и действия, продуктом которой становятся превращенные формы научного знания: квазинаука, антинаука, вплоть до лженауки.

Рассмотрим деятельность составляющую герменевтического уровня. Сама герменевтика, как известно, представляет собой философскую дисциплину об

интерпретации, переводе, объяснении и понимании. Ее предметы сущностно являются *действиями* (за исключением понимания, которое нельзя однозначно охарактеризовать как действие). Герменевтические акты укоренены в практику рефлексии, являющейся отражением одних ментальных процессов другими, деятельностью, требующей развития навыков, образования, приобретения специальных знаний и владения методологией. Методы герменевтики, начиная с ее истоков (способы толкования сакральных текстов), укоренены в подборе, применении и умении выбрать в каждой конкретной ситуации действия, позволяющие достичь поставленной цели: наиболее верного понимания, наиболее полного объяснения, наиболее адекватного перевода (часто – объяснительного), корректного истолкования намерений другого или смысла текста. В науке эти аспекты предстают как действие-рефлексия: деятельность *о* деятельности, если можно так выразиться. Один набор действий, выбор между ними, корректность и адекватность их применения, ведут к другим действиям через опосредование действий₂ пропозициональным знанием как продуктом действий₁. Субъект науки в своем выборе герменевтических установок относительно познавательной активности размышляет *деятельностно*, приобретая свои регулятивы для непосредственных актов познания в ходе практик, направленных на истолкование, понимание, интерпретацию и оценку предлагаемых ему теорий. Один субъект выберет в качестве оснований для дальнейших оценок *T*, другой – *T**, не расходящуюся с *T* в фундаментальных положениях, но все же отличную. К примеру, до недавнего экспериментального подтверждения существования гравитационных волн, вполне закономерным было расхождение герменевтических критериев альтернативных (по отношению к эйнштейновской) теорий гравитации: само *отсутствие* объекта, невозможность его зафиксировать, вело к дифференциации герменевтических установок. Ученые-физики истолковывали это отсутствие несколькими альтернативными методами. Однако после экспериментальной фиксации гравитационных волн, герменевтические установки для дальнейшего познания, исключаящие новые данные, уже априори не будут рассматриваться как научные гипотезы или теории. Сам момент понимания – скорее акт, событие, чем некая деятельность, которая может рассматриваться в диахроническом срезе. Он синхроничен и далеко не всегда предсказуем. Еще Витгенштейн в своих «Основаниях математики» задавался вопросом о времени наступления момента понимания. Этот момент всецело индивидуален и принципиально невычисляем в каждом конкретном случае. Однако акту понимания однозначно предшествует деятельность – интерпретация, ознакомление с существующими объяснениями и рефлексия относительно них, наконец, объяснение (часто бывает, что в ходе объяснения другому субъект начинает понимать предмет обсуждения лучше, чем ранее).

Подытожу сказанное о деятельностных социальных аспектах знания и познания:

(I) Образование и когногенез, являющиеся составляющей онтогенеза, немислимы без социогенеза как условия «самопостроения» человека путем активного взаимодействия с обществом и культурой и «присвоения» предметов природы и культуры, а также «смыслов»: языка, ценностей, значений вещей и т. д. Будучи взаимодействием, эти процессы «самопостроения» не являются стимульно-реактивными по своей сути, подразумевая совокупность отношений «стимул-стимул», «стимул-реакция», «реакция-стимул», «реакция-реакция», не укладывающаяся в бинаризм бихевиористической интерпретации генезиса личности. С обеих сторон процесса (как со стороны возникающей личности, так и со стороны ее окружения)

имеют место активные действия и удержание от действий (в сущности, представляющее собой «свое иное себя» действия, деятельностное «бездействие», обеспечиваемое совокупностью работы базальных ганглий и пониманием аспектов социального взаимодействия).

(II) Углубленное восприятие мира, его «категоризация», разбиение на образы, предметы, процессы, составляющие вещей и процессов и т. д. всегда отчасти опосредованы социальным взаимодействием и продуктами человеческой культуры: языком, уровнем жизни, характером общественных и производственных отношений, отношением к фундаментальным аспектам жизнедеятельности (смерть, труд, любовь, игра). Такого рода категоризация, создание «гешталтов», «типов» и «токенов» (говоря языком современной метафизики), универсалий, является продуктом деятельностного восприятия и присвоения физической реальности через «медиативные очки» формы жизни, окружающей субъекта.

(III) Систематическим множествам знаний на всех уровнях их структурной организации (от фундаментальных установок по отношению к онтологии реальности вплоть до конкретного познавательного акта) можно атрибутировать деятельностные составляющие. Эти деятельностные составляющие обусловлены деятельностной природой познания и внутренней динамикой эпистем, способов организации знаний в их действительных формах, присущих обществу в конкретный момент его исторического времени.

(IV) Сама организация познавательной деятельности как интерсубъективное «предприятие» представляет собой дескриптивно-прескриптивное множество включаемых в процесс познания действий и исключаемых из него. Практика и коммуникация (как особый вид действия, обеспечиваемого второй сигнальной системой и являющийся предварительным условием возникновения пропозициональных знаний) формируют нормы и методы познания, непосредственно влияя на содержание знаний и способы оценки обществом того, что должно рассматривать в качестве истинного знания.

Заключение

Проведенное исследование позволяет заключить: на любом этапе когнитивной деятельности на уровне физиологии мозга, начиная с самого элементарного – мышления отдельно взятого субъекта, вплоть до целого сообщества ученых и всего общества – мы всегда имеем дело с практикой, набором операций, активной работой, независимо от того, является ли она простым восприятием внешнего мира или мыслью о том, как понять его, объяснить или изменить. В свою очередь, это говорит в пользу необходимости дальнейшего изучения деятельностных аспектов человеческого познания и знания, а также применения деятельностного подхода в эпистемологии.

Для удобства экспозиции полученных результатов я представлю их в виде двух таблиц, иллюстрирующих деятельностные компоненты в процессе научного познания, биологические и социальные.

Биологические компоненты познавательной активности	
<p><i>Функциональное обеспечение:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – сознательная деятельность; – когнитивное картографирование; – первичная гештальтизация и категоризация физических объектов; – перцептивная систематизация неупорядоченных чувственных данных; – эффективные действия с достижением обратной связи; – определение характера и способов действенного отношения ко внешнему миру. 	<p><i>Субстрат реализации:</i> Операционально и каузально замкнутая нервная система.</p> <p><i>Сенсорная система:</i> сигналы ЦНС ↔ «рецепторы – эффекторы» ↔ внешние импульсы</p> <p><i>Полная структура субстрата сенсорной системы:</i> мозг → доли мозга → синхронно возбуждаемые популяции нейронов (клеточные ансамбли)</p>
<p><i>Функциональная реализация (приводятся явления, реализацию которых обеспечивает биологическая структура):</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – генотипическая, фенотипическая и экологическая коммуникация; – «субъективная реальность»; – ментальные состояния (как нейрофизиологические состояния активности мозга); – интенциональные акты (наполненные содержанием намерения действовать сообразно информации, продуцируемой в ментальных состояниях за счет получения субъективной реальностью информации). 	<p><i>Когнитивная карта процесса работы клеточных ансамблей:</i> внешний объект ⇒ ретикулярная формация → кора головного мозга → «ансамбли восприятия» → производство (ментальное) образов внешнего мира → [работа дорсолатеральной коры префронтальной области мозга]</p> <p>⇕</p> <p>[ядро и гипоталамус] V</p> <p>[орбитфронтальная зона коры]</p>
<p><i>Организационная петля в единичном когнитивном акте:</i></p> <p>Фаза 1: действие₁ → реакция₁ → знание₁</p> <p>Фаза 2: знание₁ → действие₂ ↔ реакция₂</p> <p>↗ ↘</p> <p><i>(факторы влияния: соответствие предсказаниям; корректировка по необходимости; оценка соответствия и дальнейшие прогнозы)</i></p> <p>Фаза 3: реакция₃ (с учетом корректировок и новых прогнозов, успешности фазы 2 и др.)</p>	<p>[стимулы со стороны окружающей среды]</p> <p>⇕</p> <p><i>Варианты ответов/восприятий/реакций:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – неосознаваемые биологические процессы, связанные с функциями гомеостаза организма; – рефлексивное действие (бессознательная реакция); – интенциональное действие, сопровождающееся физиологической реакцией/лишенное физиологической реакции; – мысль; – рефлексия; – рефлексия + переход к интенциональным актам, направленным вовне.

Социальные компоненты познавательной активности	
<p><i>Образование (Bildungsprozess)</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – постижение понятий; – оперирование понятиями; – присваивающие действия; – воспроизводящие / отражающие действия; – «самопостроение». 	<p><i>Структура критериев принятия знания:</i></p> <p>герменевтические (онтологические и метафизические) и институциональные (предписания и исключения)</p> <p>↓</p> <p>протокольные (определение критериев сущностей данных)</p> <p>↓</p> <p>операциональные (набор действий для успешных познавательных актов) и семантические (набор средств выражения данных и их репрезентации)</p> <p>↗↘</p> <p><i>(дизъюнктивные серии – актуальные множества (достаточные и вынужденные) – виртуальные множества (нереализуемые в момент оценки, но приблизительно известные))</i></p> <p>↓</p> <p>дифференциальные критерии (аналитико-синтетические и практические)</p>
<p><i>Результаты образовательного процесса:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – возникновение точки зрения на мир; – овладение языком; – вторичная категоризация (при помощи понятий, метафор, метонимии); – вторичная гештальтизация (отражение вещей и процессов в языке и мыслительной деятельности); – овладение пропозициональным знанием; – появление средств выражения (пропозициональных установок речевых и мыслительных дискурсивных актов). 	<p><i>Процесс языкового «образования»:</i></p> <p>повторная идентификация объектов и внутренних состояний → овладение простыми словами → усложнение лингвистического знания → понимание контекстов, ситуаций употребления, осознание сущности критериев «успешности» и «уместности» использования наличных средств выражения → осознание субстанциальности внешних вещей, соотнесение вещи и ее языкового «образа»</p>

На мой взгляд, указанные модели, приведенные в таблицах, позволят развить изложенные в главе пролегомены для использования деятельностного подхода в области эпистемологии. Индикация соответствующих компонентов, охарактеризованных как «деятельностные» в структуре человеческого знания и познания, позволяет делать предмет дальнейших исследований отдельные, конкретно взятые составляющие, с использованием концептуального и методологического аппарата и достижений соответствующих областей научного знания. Так, к примеру, в исследовании биологических компонентов, чрезвычайно продуктивными могут оказаться современные исследования из разных областей когнитивистики – психолингвистики, психологии познания, генетической эпистемологии, нейрофилософии, философии языка, когнитивной лингвистики, этологии, зоосемиотики, семантики и т.д. В то же время, социальные деятельностные компоненты знания и познания, безусловно, будут усилены при исследовании результатов/методов и понятий из области социальной психологии, социальной философии, социологии науки, социальной эпистемологии, философии сознания, общей психологии, философии образования и т.д. Закончу этот список еще

утверждением о необходимости дальнейших исследований в указанном направлении, проведения дискуссий относительно приведенных категориальных и классовых «списков» и о более детальном исследовании каждого элемента или категории.

Список использованных источников:

1. Агацци Э. Научная объективность и ее контексты / Э. Агацци ; пер. с англ. Д.Г. Лахути ; под ред. и с предисл. В. Лекторского. – М.: Прогресс-Традиция, 2017. – 688 с.
2. Бунге М. Философия физики / М. Бунге ; пер. с англ. Ю. Молчанова. – М.: «Прогресс», 1975. – 352 с.
3. Бэжхерст Д. Формирование разума / Д. Бэжхерст ; под ред. и с предисл. В.А. Лекторского; Перевод Е. Труфановой. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. – 368 с.
4. Герген К. Социальная конструкция в контексте / К. Герген ; пер. с англ. А. Киселева. – Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2016. – 328 с.
5. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию / Дж. Гибсон ; пер. с англ. ; общ. ред. и вступ. ст. А. Логвиненко. – М.: Прогресс, 1988. – 464 с.
6. Ильенков Э. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении / Э. Ильенков. – М.: 1997. – 464 с.
7. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. Книга 1: Разум вне машины / Дж. Лакофф ; пер. с англ. И. Шатуновского. – М.: Гнозис, 2011. – 512 с.
8. Левин Г. Эмпирия и теория / Г. Левин. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2016. – 256 с.
9. Лекторский В. Субъект, объект, познание / В. Лекторский. – М.: «Наука», 1980. – 360 с.
10. Майнцер К. Сложносистемное мышление: Материя, разум, человечество. Новый синтез / К. Майнцер ; пер. с англ. ; под ред. и с предисл. Г. Малинецкого. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 464 с.
11. Матурана У. Биология познания / У. Матурана ; пер. с англ. Ю. Мешенина. Язык и интеллект. Сб. / Сост. и вступ. ст. В. Петрова. – М.: «Прогресс», 1996. – 416 с.
12. Матурана У., Варела Ф. Древо познания. Биологические корни человеческого понимания / У. Матурана, Ф. Варела. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.
13. Морен Э. Метод. Природа Природы / Э. Морен ; пер. и вст. ст. Е. Князевой. – Изд. 2-е, доп. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. – 488 с.
14. Поршнева Б. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии) / Б. Поршнева. – М.: Академический проект; Трикта, 2013. – 542 с.
15. Саган К. Мир полный демонов: Наука – как свеча во тьме / К. Саган ; пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2014. – 448 с.
16. Piaget J. *Psychologie et epistemologie (Pour une theorie de la connaissance)* / J. Piaget– Paris: Gonthier, 1970. – 189 p.